

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 94(47)“13/16”+391.7+671.12
DOI 10.26456/vthistory/2023.1.096–115

**«ЛАРЕЦ С КУЗНЕЮ, А В НЕМ...»:
КОМПЛЕКТЫ ЖЕНСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ
УКРАШЕНИЙ В XIV–XVII ВЕКАХ**

Ю.В. Степанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

В статье рассматриваются комплекты женских ювелирных украшений XIV–XVII вв. на основании письменных источников и археологических материалов. Выделяются наиболее характерные предметы ювелирного убора. Для XIV–XV вв. это височные подвески (колтки и рясы), а также браслеты. В этом убор позднего средневековья сходен с домонгольским. Источники этого периода характеризуют, прежде всего, убор высших сословий. Для XVI–XVII вв. обязательными предметами ювелирного убора являлись серьги и перстни в большом количестве. На всем протяжении рассматриваемого периода базовые ювелирные украшения сочетались с шитыми ожерельями. В состав ларешной кузни входили мониста с крестами, которые являлись предметами личного благочестия, но в костюме широких слоев населения являлись одновременно украшениями и оберегами.

Ключевые слова: ювелирные украшения, женский убор, колты, рясна, серьги, перстни, браслеты, Русь, XIV–XVII вв.

Комплекты ювелирные украшений женского костюма домонгольского периода хорошо известны благодаря кладам X – первой трети XIII в. Дают представление о комплектности и «богатые» погребения домонгольского периода. Некоторые наборы украшений демонстрируют относительное стилистическое единство, другие свидетельствуют о скорее сочетании изделий, которое могло возникнуть как результат длительного накопления этих украшений у владельца¹.

О том, какие ювелирные изделия являлись неперенными атрибутами престижного женского костюма в более поздний период, известно гораздо меньше. В целом костюм XIV–XVII вв. изучен недостаточно. Слабое пред-

---

¹ Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв.: классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014. С. 13–15.

ставление имеется о костюме населения различных районов Руси и отдельных социальных групп. Пробелы в изучении этой темы связаны с характером археологических источников: погребения позднего средневековья и раннего Нового времени практически лишены металлических предметов, а клады этого времени крайне немногочисленны. В то же время более обстоятельными являются письменные источники. Некоторые духовные, сговорные и рядные грамоты включают детальные описания ценностей, которые владельцы/владелицы различного социального статуса передавали своим женам, дочерям, внукам, сёстрам и снохам. В результате имеющиеся исследования костюма основаны прежде всего на письменных источниках. Наряды цариц и княгинь XVI–XVII вв. были достаточно полно охарактеризованы И.Е. Забелиным на основе свидетельств иностранцев, духовных грамот и документов дворцового делопроизводства². М.Г. Рабинович уделил внимание трансформации женского убора на протяжении XIII–XVII вв., отметив, что в составе украшений произошли существенные изменения. Наиболее заметным из них было исчезновение древнего племенного убора с характерными для него височными кольцами. Простые горожанки стали носить в целом меньше украшений, но богатые женщины имели множество драгоценностей³. Однако очевидно, что этот процесс не был скорым. Об этом свидетельствуют хотя бы находки различных типов височных колец в слоях XIII–XIV вв. Неясно, насколько этот процесс был хронологически равномерным в разных регионах.

Категории ювелирных украшений костюма XIV–XVII вв. хорошо известны по археологическим находкам в городах. Среди общего объёма находок они составляют значительную долю. Типология и хронология некоторых категорий хорошо разработана на основе стратиграфии городского культурного слоя⁴. В то же время для целого ряда предметов хронологические рамки нуждаются в уточнении. Остается открытым и вопрос о комплектности женских ювелирных украшений. Какие ювелирные изделия являлись неизменными атрибутами повседневного и престижного женского костюма и как менялся состав этих украшений на протяжении XIV–XVII вв.? Сколько пар серег было прилично иметь состоятельной горожанке? Шейные и нагрудные украшения – элемент исключительно домонгольского костюма, или в более поздний период они сохраняются, но меняют свой облик и состав? Эти и другие вопросы, возникающие при изучении женского убора, заставляют вновь обращаться к многочисленным письменным свидетельствам, рассматривая их в комплексе с археологическими материалами.

---

² Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 1869. Том второй: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 658–670.

³ Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 87.

⁴ Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981; Ланшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009.

Очевидно, что комплектность украшений ювелирного убора может в определённой степени отражать состав кладов и других закрытых комплексов (например, погребений и построек)⁵. Как уже отмечалось, клады периода позднего средневековья и раннего Нового времени, содержащие в своём составе украшения, весьма немногочисленны по сравнению с домонгольскими. Однако всё же они есть. Единичные находки кладов периода позднего средневековья и раннего Нового времени обнаружены в Новгородской земле, Москве и Московской земле, Твери и Верхневолжье, Смоленске, Рязанской земле, на Русском Севере.

Гораздо больший объём сведений содержится в письменных источниках. Наиболее информативными для характеристики комплектов женских украшений являются духовные, рядные и сговорные грамоты. К XVI–XVII вв. относится также ряд перечней приданого и похищенного имущества. В общей сложности не менее 60 подобных документов содержат сведения о комплектах женских ювелирных украшений. Документов, характеризующих в целом женский костюм, гораздо больше. Значительная доля источников, содержащих сведения о костюме и украшениях, опубликована. Сведения о них систематизированы в работе А.Э. Жабревой⁶. К XIV–XV вв. относятся единичные документы (8), 15 – к XVI в., 37 – к XVII – началу XVIII в. К этому объёму источников можно добавить материалы дворцового делопроизводства XVII в., характеризующие предметы придворного ювелирного убора. Большая часть источников характеризует культуру слоя служилого дворянства и детей боярских, неоднородного по статусу и уровню доходов. Имеются грамоты великих и удельных князей. Среди документов XVII в. имеются грамоты, характеризующие крестьянское имущество и собственность монастырских служителей.

В документах XIV–XV вв., представленных грамотами великих и удельных князей и крупной аристократии, перечни женских украшений присутствуют не всегда, и чаще как дополнения к главному – недвижимому имуществу и денежным вкладам⁷. Выделяются подробными описаниями женских украшений лишь духовные грамоты великого князя московского Ивана Калиты и верейского и белозерского князя Михаила Андреевича. Характерной чертой духовных завещаний XIV–XV вв. является упоминание

---

⁵ см. *Покровская Л.В.* Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и новгородская земля. История и археология / отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2005. С. 120–132; *Персов Н.Е., Солдатенкова В.В.* Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. 2007. Вып. 6. Т. II. С. 345–368.

⁶ *Жабрева А.Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. М., 2016.

⁷ *Юшко А.А.* Семейные ценности и некоторая недвижимость представителей московского великокняжеского дома // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой. М., 2021. С. 249–260.

предметов женского убора, которые в дальнейшем исчезают из списков передаваемого имущества: колтков, ряс и обручей. В приписном списке к духовной грамоте князя Михаила верейского и белозерского (около 1486 г.) золотые колтки и рясы «с яхонты да с лалы» составляли вместе с драгоценными головными венцами единый комплект, пожалованный дочери князя⁸. Золотые колтки находились среди имущества княгини Акилины, супруги князя Федора (1417–1421 гг.) и Федора Остафьевича (1435 г.). «Колоточный» жемчуг упоминается в духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича углицкого (1509 г.)⁹ – в одном комплекте с серьгами и женскими жиковинами (перстнями). Рясы упоминаются и в документах XVII в. среди предметов убора царевен. Эти более детальные описания и сохранившиеся в музейных собраниях рясы XVI–XVII вв. свидетельствуют, что в раннее Новое время рясы являлись преимущественно жемчужными украшениями (рис. 2: 5, 6), у которых жемчужные нити перемежались золотыми или серебряными колодками и драгоценными камнями¹⁰. Их верхняя металлическая часть при этом могла иметь различные формы: одни близки формам домонгольских колтвов и рясен (рис. 1: 1, 2, 18), другие более близки подвескам серег раннего Нового времени (рис. 1: 3). Колтки из письменных источников XV в., соответственно, являлись металлической основой височных подвесок с жемчужными и бусинными поднизями. Соответственно, колтки и рясы не только входили в единый комплект, но и составляли единое целое. Рясами названы подвески к иконе «Богоматерь Федоровская» XVII в. в надписи на оборотной стороне лунницеобразной металлической основы (рис. 1: 2). В более позднее время колтушками и усерзями назывались подвески к серьгам (рис. 2: 4)¹¹.

Помимо колтвов и ряс, частью ювелирного убора являлись и драгоценные венцы, описания которых встречаются только в документах, относящихся к княжеской среде. Известное описание двух венцов – городчатого с драгоценными камнями и жемчужного – в духовной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича (1486 г.) является наиболее ранним¹². В дальнейшем драгоценные венцы остаются предметами убора царевен, прежде всего торжественного (в том числе свадебного) (рис. 2: 1–3)¹³.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. С. 312.

⁹ Там же. С. 410.

¹⁰ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 581, 583.

¹¹ Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. СПб., 1881. Том второй. С. 144.

¹² ДДГ. С. 312.

¹³ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 581, 583.

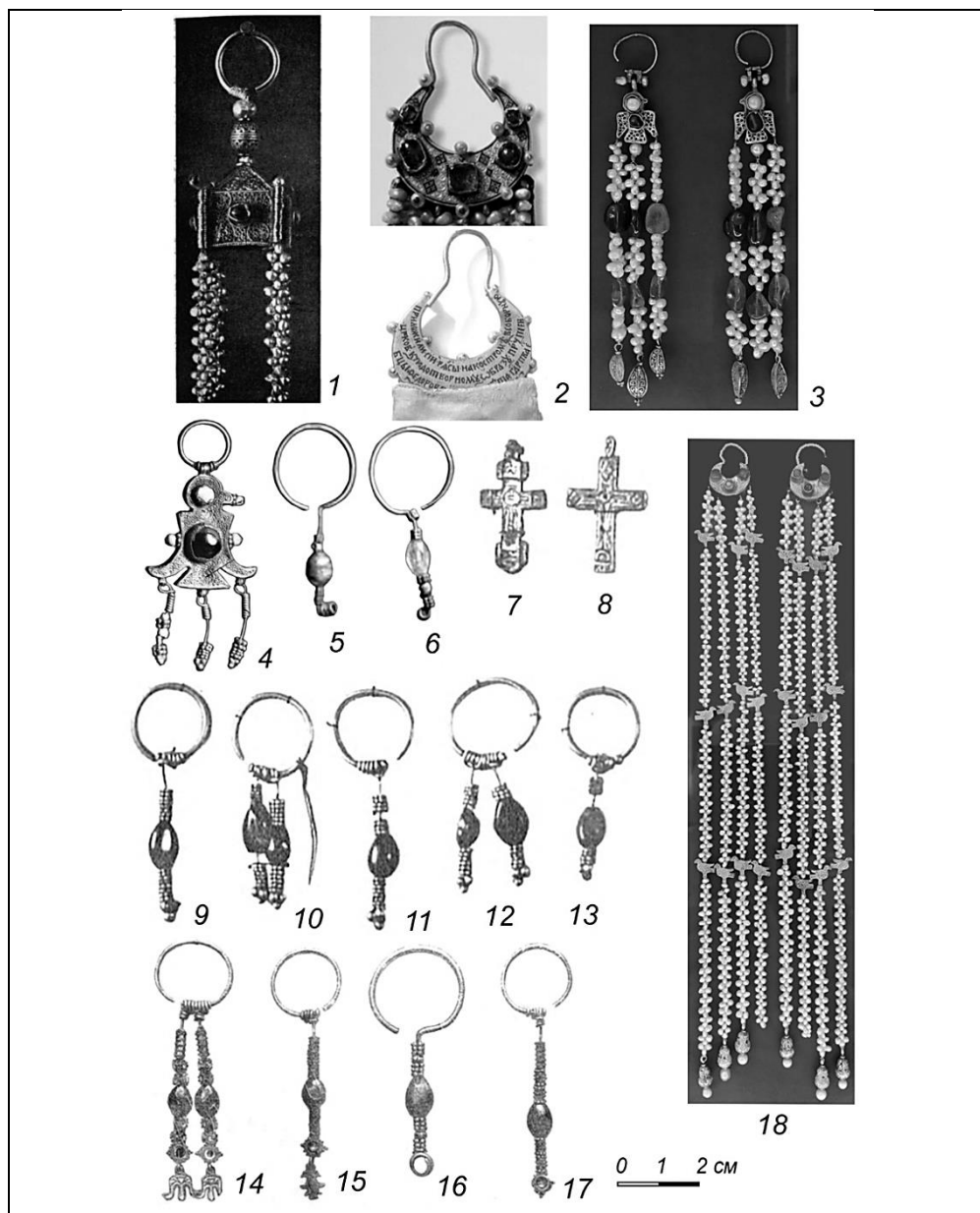

Рис. 1. Предметы женского ювелирного убора XVI–XVII вв.

1 – рясо княгини Анастасии Романовны, XVI в. (Якунина Л.И. Русское шитье жемчугом. М., 1955. С. 48, рис. 24); 2 – деталь рясен (лицевая и оборотная стороны), выполненных по заказу царя Федора Ивановича и его матери инокини Марфы для украшения иконы «Богоматерь Федоровская», XVII в. (Вишневецкая И.И. Жемчужное шитье на Руси. М., 2007. С. 10–11); 3, 18 – рясны, XVI в. (Владими́ро-Суздальский музей-заповедник); 4–6 – серьги из клада на Затымацком посаде Твери, конец XVI – начало XVII в. (Вяземский А.В., Левыкина Т.А., 2019); 7–13 – кресты и серьги из клада у д. Переволока Старорусского уезда, начало XVII в. (Отчет ИАК за 1911 год. СПб., 1914. С. 72, рис. 113); 14–17 – серьги из клада в д. Петраки Вологодской губернии (Отчет ИАК за 1891 год. СПб., 1893. С. 124, рис. 114–117).

Рис 2. Украшения женского ювелирного убора в изобразительных источниках XVI–XVII вв.

1, 4, 8, 11, 13 – изображения украшений из «Букваря» Кариона Истомина, 1694 г. (Букварь: отпечат. в 1694 г. в Москве / Сост. Карионом Истоминым; гравир. Леонтием Буниным. Л., 1981); 2 – сестры царские в венцах, фрагмент рисунка из альбома А. Мейерберга (Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903. Л. 40); 3 – царевна Софья в венце, фрагмент иллюстрации из книги, 1693 г. (Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии. СПб., 1884. Вып. 1. Ил. 5);

5 – убор с височными подвесками, фрагмент иконы «О тебе радуется» мастерской Дионисия, XVI в. (Государственная Третьяковская галерея); 6 – убор с жемчужными височными подвесками, фрагмент иллюстрации из издания А. Олеария (Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 175); 7 – убор с серьгами и ожерельем, фрагмент миниатюры из «Книги Бытия», XVII в. (Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохоровым. СПб., 1884. Т. 4. Табл. VI); 9 – боярыня в ожерелье, фрагмент рисунка из альбома А. Мейерберга (Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903. Л. 79); 10 – ожерелье царицы Марии Ильиничны, фрагмент иконы «Кийский крест с предстоящими», вторая половина XVII в. (Тверская областная картинная галерея); 12 – украшение рук перстнями, фрагмент портрета неизвестной, 1830-е – 1840-е гг. (Ярославский художественный музей); 14 – монисто в руке царевны, фрагмент рисунка из альбома А. Мейерберга (Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903. Л. 40); 15 – крестьянка Орловской губернии, фрагмент фото 1904 г. (Русский традиционный костюм, 1998. Вклейка).

В трактовке обручей как металлических браслетов у исследователей сложилось единое мнение¹⁴. Однако упоминаются они в документах XIV – начала XVI в. редко. Один пример – это 14 обручей, переданных Иваном Калитой своей дочери Фетинье¹⁵. Обратим внимание, что в комплект с ними входили ожерелье и монисто. Второй случай – в тексте духовной грамоты Ульяны Ходи (XV в.). Свой серебряный обруч она передала своему духовнику, разумеется, не как украшение, а как драгоценное имущество¹⁶. Княгиня волоцкая Юлиания завещала обручи своим снохе и внучке¹⁷. Заметим, что металлические браслеты присутствуют в слоях городов до конца XIV – начала XV в.¹⁸. В Новгороде в XIV в. зафиксирована группа браслетов, поступавших, вероятно, из золотоордынских земель¹⁹. Археологические материалы демонстрируют, что металлические браслеты еще могли употребляться в XV в. Два обломка серебряного браслета входили и в состав клада из с. Городище Коломенского уезда вместе с монетами конца XIV в.²⁰. Набор украшений, демонстрирующий переходный тип убора, происходит из клада, найденного близ д. Тырнова Слобода Спасского уезда Рязанской губернии в 1895 г. В него входили две серьги в виде вопросительного знака, два серебряных перстня, два серебряных браслета и 8 рязанских монет XV в.²¹. Отметим, что массовой категорией среди индивидуальных находок в древнерусских городах являются также стеклянные браслеты. Они выходят из

¹⁴ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 611; Рабинович М.Г. Указ. соч. С. 87.

¹⁵ ДДГ. С. 8, 10.

¹⁶ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. С. 74.

¹⁷ ДДГ. С. 349–350.

¹⁸ Седова М.В. Указ. соч. С. 118–119; Лапшин В.А. Указ. соч. С. 103–104.

¹⁹ Седова М.В. Указ. соч. С. 119.

²⁰ Отчет Императорской Археологической комиссии (далее ИАК) за 1896 год. СПб., 1898. С. 127, 241; Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. Л., 1924. С. 35.

²¹ Отчет ИАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 74, 195.

употребления в Новгороде и городах Северо-Восточной Руси во второй половине XIV в.²². По-видимому, на рубеже XIV–XV вв. основными предметами декора запястий остались шитые зарукавья, упоминания которых появляются в письменных источниках в XVI в.

Заметим, что ранние сведения о серьгах в письменных источниках относятся к мужскому убору. К ним относятся описания драгоценной серьги князя Святослава, серег из духовной грамоты московского великого князя Ивана Ивановича 1356 г.²³. Однако упоминания достоверно женских серег в письменных источниках впервые появляются лишь в XV в. Наиболее ранним источником является духовная грамота галицкого князя Василия Васильевича 1433 г.²⁴. В культурном слое русских городов серьги в виде вопросительного знака появляются в XIV в.²⁵ (см. также: *Степанова Ю.В.* Серьги из археологических памятников Верхневолжья XIV–XVIII веков // *Вестник ТвГУ. Серия: История.* 2021. № 1(57). С. 41–62). К этому же времени относятся и первые изображения серег в виде вопросительного знака. Важно, что в комплекте украшений, приведенном в духовной грамоте Василия Васильевича галицкого, серьги сочетаются с рясами. Отметим, что, по археологическим данным, в XIV в. в женском головном уборе использовались височные кольца – провололочные с заходящими и загнутыми концами, «кудрявые», бусинные; в XIV–XV вв. – кольца с фигурной лопастью (см.: *Степанова Ю.В.* Височные украшения женского головного убора Верхневолжья XIII–XV вв. // *Поволжская археология.* 2021. № 4(38). С. 68–80). Соответственно, ношение серег в XIV–XV вв. не противоречило женскому убору с височными подвесками и поднизями, хотя археологические комплексы этого времени, в которых серьги новых форм, состоявшие из мочки со стержнем, сочетались бы с височными кольцами или колтами, неизвестны. Кроме того, сами серьги могли носиться как височные подвески. По археологическим и изобразительным источникам известно, что в костюме населения Золотой Орды серьги в виде вопросительного знака могли носиться не только в ушах, но и на ленточках или цепочках на висках – как подвески²⁶.

Помимо колтов, рясен и браслетов, в составе комплектов ювелирных украшений, характеризующихся в источниках XIV–XV вв., встречаются упоминания монист и ожерелий. Ожерелья в это время и позднее являлись скорее произведениями шитья, но включали в себя драгоценные камни, металлические дробницы и пуговицы. Это были съемные детали одежды («ожерелье пристежное») в виде стоячего (рис. 2: 8–10) или отложного (рис.

²² *Лапшин В.А.* Указ. соч. С. 141.

²³ *Арциховский А.В.* Одежда // *Очерки русской культуры XIII–XV веков.* М., 1969. Часть 1: Материальная культура. С. 295; *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С. 87; ДДГ. С. 16.

²⁴ *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.* М., 1952. Т. I. С. 87.

²⁵ *Седова М.В.* Указ. соч. С. 16.

²⁶ *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань, 2015. Том II. С. 224–225; *Жилина Н.В.* Серьги в уборе Московской Руси // *Археология Подмосковья.* 2018. № 14. С. 284.

2: 7) воротника. Например, в духовной грамоте Евдокии Семеновны Кушелевой (до 1454 г.) значится ожерелье «сажно, а в нем триста зерен четьево женьчугу и десять да три пугвицы с женьгичи золоты»²⁷. Отметим, что письменные источники XIV–XV вв. не содержат детальных сведений о привесках, которые широко употреблялись в составе нагрудных ожерелий в домонгольский период, хотя находки в городах и на поселениях свидетельствуют об их сохранении в составе женского убора²⁸. В Новгороде в XIII в. при малочисленности круглых привесок наблюдается увеличение числа зооморфных²⁹. Обилие полых шумящих привесок в Новгороде в слоях XIII–XIV вв. связывается с переселением в город водского населения³⁰. Для Верхневолжья в силу малочисленности находок привесок как в Твери, так и на сельских поселениях, пока преждевременно говорить о динамике. Но можно заключить, что круглые привески еще использовались в XIV в.³¹. Однако, постепенно выходили из употребления и частью престижного убора уже не являлись.

Единственный раз в едином комплекте XV в. вместе с золотыми колтками назван перстень (грамота Федора Остафьевича, 1435 г.)³².

Таким образом, в наиболее ранние комплекты женских ювелирных украшений входили прежде всего драгоценные подвески головного убора – колтки и рясы, а также металлические браслеты. Отметим, что эти предметы являлись украшениями, прежде всего, дорогого княжеско-боярского убора. Опираясь на массовые находки в городских слоях, можно утверждать, что такой комплект был характерен и для более широких городских слоев. Он близок набору украшений домонгольского времени. Металлический убор дополнялся шитыми ожерельями.

Более обширный комплекс письменных источников XVI – начала XVIII в. (49 документов) даёт большие основания для характеристики комплектов женских украшений различных социальных групп. Общей чертой этих источников является упоминание серег (встречается в 83,3 % случаев). Как правило, это не одна, а две–три пары серег. Пример дорогого комплекта приведен в духовной грамоте князя Юрия Андреевича Оболенского (1547–1565 гг.): серьги стоимостью 40 рублей «болшие, яхонты лазоревы с жемчуги с бурмышскими» и второй комплект «другие яхонты ж лазоревы с жемчуги новгородскими» стоимостью 25 р. князь завещал своей дочери³³. Похо-

²⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. С. 180.

²⁸ Седова М.В. Указ. соч. С. 41–43.

²⁹ Покровская Л.В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник РГНФ. 2007. № 3(48). С. 45.

³⁰ Седова М.В. Указ. соч. С. 34.

³¹ Лапшин В.А. Указ. соч. С. 98.

³² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 111.

³³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1956. Т. 2. С. 211–212.

жий комплект описан в духовной грамоте князя Дмитрия Михайловича Пожарского (до 1642 г.)³⁴ и других документах, относящихся к прослойке князей и детей боярских. Думается, что под «большими» серьгами могли подразумеваться серьги-голубцы – крупные украшения, которые могли носить и как серьги, и как височные подвески. Серьги «голубцы» и «кошельки»³⁵ упоминаются в духовной грамоте Луки Сахарова, служителя Тихвинского Успенского монастыря (1671 г.)³⁶. Комплекты из двух пар серег упоминаются и в крестьянских духовных, рядных и сговорных грамотах. Например, в сговорной грамоте крестьянина Прилуцкого монастыря Марка Скоровского 1612 г. в перечне приданого невесты значатся «двои серги серебряных з жемчуги с золочены, да у четырех дочерей по двоим сергам, серги двоини, да одинцы красное камень серебряных позолоченных»³⁷. Серьги крестьянок, конечно, были более скромными по материалу и, соответственно, цене. В явочной грамоте крестьянки Шемогоцкой волости Устюжского уезда Матрены Заваловской 1638 г. указаны «двои серги серебряные з жемчуги и с камнем полтора рубли»³⁸. Серьги различаются по качеству используемого материала: золотые, серебряные, позолоченные; с дорогим жемчугом бурмыжским и более дешевым новгородским; серьги с «плохим камнем». Особенности формы тоже указываются. Серьги-единицы впервые упоминаются в духовной грамоте Григория Михайловича Валуева 1543/1544 г.³⁹. К XVII в. относятся упоминания серег-двойчаток: «двойни», «двоенцы», «двойчатки». По археологическим данным, серьги-двойчатки появляются в XVI в. Характеризуется в письменных источниках и декор серег. Например, в сговорной грамоте 1694 г. Василия и Андрея Андреевых детей Суворова, сговоривших свою сестру Мавру за Силу Федоровича Пушкина, в составе приданого значатся «серги лапчатые с изумруды и с жемчуги, другие серги бечата с жемчуги, третьи орлики с жемчуги»⁴⁰. В.А. и А.А. Суворовы числились жильцами в боярских списках 1712 и 1713 гг., служили по Кашину⁴¹.

³⁴ Завещание князя Дмитрия Пожарского (публикация подготовлена Ю.М. Эскиным) // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143–157.

³⁵ Серьги «кошельки» – украшения, сплетенные из жемчуга: Рабинович М.Г. Указ. соч. С. 87.

³⁶ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 461–462.

³⁷ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. С. 419–420.

³⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею (далее – РИБ). СПб., 1908. Т. XXV: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Стб. 207–208.

³⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. 2. С. 171.

⁴⁰ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1884. Том третий. Стб. 294–296.

⁴¹ Захаров А.В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 12.01.2023).

И формы, и комплектность серег схожи у представителей различных социальных групп. Различаются они по качеству материала. По-видимому, именно серьги в XVI–XVII вв. стали главным и обязательным атрибутом престижного женского ювелирного убора. Комплекты серег, охарактеризованные в письменных источниках, соответствуют известным археологическим находкам. Наборы серег из двух тверских кладов – наиболее полное соответствие комплектам из письменных источников. Один из кладов был найден на Затьмацком посаде. В него входили две серьги с серебряными позолоченными бусинами, ещё две с хрустальными бусинами (рис. 1: 5, 6), пара серебряных позолоченных голубцов, декорированных мелкими сканными колечками, эмалью, вставками из стекла и алмазидина и подвесками с зернеными пронизками и жемчужинами (рис. 1: 4). Клад датирован концом XVI – началом XVII в.⁴². Второй клад (найден на Загородском посаде Твери) включал пять пар крупных серег-одиноц с аметистовыми и алмазидиновыми бусинами и металлическими пронизками-розетками (целые и фрагментированные), а также серьги с обломанными стержнями и серебряные бусины. Авторы находки датировали его по археологическому контексту второй половиной XVIII – первой половиной XIX в.⁴³, однако серьги, по аналогии с рассмотренными выше украшениями, могут относиться к более раннему времени. Составы тверских кладов, как видим, сходны по наличию комплектов серег. Пара серебряных серег в виде вопросительного знака с металлическими бусинами была найдена и в кладе у д. Мазалово. Они находились в кожаной емкости вместе с монетами Ивана Грозного и Бориса Годунова⁴⁴. В Ельнинском уезде Смоленской губернии две серебряные серьги и перстень, украшенный гранатом, были найдены в 1887 г. вместе с монетами, относящимися ко времени от Ивана Грозного до Василия Шуйского⁴⁵. Сразу 14 серебряных серег вместе с русскими монетами XVI в. были обнаружены в д. Петраки Вологодской губернии в 1891 г. (рис. 1: 14–17)⁴⁶.

Как видим, именно серьги как ценное имущество чаще всего встречаются в составе поздних денежно-вещевых и вещевых кладов.

Серьги иногда встречаются и в погребениях раннего Нового времени. Таковы погребения с серьгами тверских кладбищ: у церкви Алексея – Человека Божия, Мироносицкой, Троицкой, Скорбященской (см.: *Степанова Ю.В.* Серьги из археологических памятников Верхневолжья XIV–XVIII ве-

⁴² Вяземский А.В., Левыкина Т.А. Комплекс женских украшений из тверского клада 2011 г. («раскоп Трудолюбия-2») // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 261–272.

⁴³ Кунгурцева С.А. Клад украшений второй половины XVIII – первой половины XIX вв. из раскопок на Загородском посаде г. Твери в 2014 году // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2016. Вып. 9. С. 357–367.

⁴⁴ Жизневский А.К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. С. 149.

⁴⁵ Отчет ИАК за 1882–1888 годы. СПб., 1891. С. СС.

⁴⁶ Отчет ИАК за 1891 год. СПб., 1893. С. 124.

ков. С. 41–62). В Гдовском уезде в д. Малые Рожки в 1899 г., вероятно, в погребении была найдена часть медной серьги с серебряной деньгой Ивана III⁴⁷. Известно, что и в это время серьги могли носить не только в ушах, но и как височные подвески. В Твери известна находка серег-двойчаток вместе с остатками ленты⁴⁸.

Другая непременная составляющая комплектов женских ювелирных украшений XVI–XVII в. – перстни. В отличие от позднесредневекового убора, в раннее Новое время перстни включались в комплекты украшений по несколько экземпляров, в ряде случаев до 20 штук. Уже в описании приданого великой княжны Елены Ивановны значатся две дорогие золотые жиковины с камнями. К сожалению, в не полностью сохранившемся документе отсутствуют сведения о ювелирных украшениях головного убора⁴⁹. В духовной грамоте начала XV в. волоцкой княгини Юлиании значатся 17 перстней, завещанных её внучке⁵⁰. Такими же объёмными остаются наборы перстней до конца XVII в. В сговорной грамоте Ивана Федоровича (Филипповича) Суворова (1684 г.) – стольника, служившего по Кашину, 20 серебряных позолоченных перстней входили в состав ларешной кузни его дочери⁵¹. Комплекты из нескольких перстней имели посадские женщины и крестьянки. Например, в явке 1633 г. в числе похищенного имущества жителя Устюга Ивана Коршуна числятся 4 женских перстня ценой 30 алтын в комплекте с серьгами-двойчатками⁵². Как и в случае с серьгами, различия – в материале и декоре украшений. Так, Иван Федоров сын Нестеров с братьями, сговоривший свою сестру Елену за Ивана Гавриловича Протопопова (1696 г.), дали за сестрой дорогие перстни (16 экз.) общей стоимостью 101 рубль: 9 золотых, 2 – с яхонты лазоревыми, 5 – с алмазами⁵³. Однако в среде служилого дворянства и зажиточных горожан чаще преобладали более дешёвые серебряные перстни с позолотой и без нее. Широко использовались дешёвые перстни из сплава на основе меди, в большом количестве встречающиеся в культурном слое городов и сельских поселений. В деле об ограблении супруги крестьянина Быкокурского стана Устюжского уезда Бажена Хабарова (1628 г.) значится перстень стоимостью 5 алтын, который грабитель сорвал с руки женщины⁵⁴. Археологические данные демонстрируют увеличение количества перстней в городских слоях XIV–XV вв. при сокращении числа находок браслетов. Обилие перстней из цветного металла в

⁴⁷ Отчет ИАК за 1899 г. СПб., 1902. С. 108; Ильин А.А. Указ. соч. С. 41.

⁴⁸ Новиков А.В. К хронологии некрополя у церкви Алексея – Человека Божия на Зятьмацком посаде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории с эпоху средневековья. 1997. Вып. 2. С. 262–270.

⁴⁹ Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Описание приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // Советские архивы. 1984. № 5. С. 29–35.

⁵⁰ ДДГ. С. 349.

⁵¹ Тверской государственный объединенный музей. Д. 1431/66. Сговорная запись И.Ф. Суворова, 1684 г.

⁵² РИБ. Т. 25. Стб. 152–153.

⁵³ Акты, относящиеся до юридического быта. Том третий. Стб. 312–314.

⁵⁴ РИБ. Т. 25. Стб. 72.

слоях XV–XVII вв., по-видимому, связано с укрепившимся обычаем носить их сразу по несколько экземпляров на одной руке. Эта традиция сохранялась в купеческой и мещанской среде и в XVIII–XIX вв. и отразилась на многочисленных портретах купчих и мещанок этого времени (рис. 2: 11, 12).

Помимо серег и перстней, в комплекты украшений входили цепочки и мониста, на которых подвешивались кресты (встречаются в 30 документах XVI – начала XVIII в.). М.Г. Рабинович полагал, что монисто состояло из бус⁵⁵. Однако текстовые описания свидетельствуют, что главным элементом монист в XVI–XVII вв. были подвешенные наперсные кресты (рис. 2: 13, 14). И чаще это не один, а несколько крестов на одной цепочке. Например, вдова Варвара Стенина, сговорив свою дочь Маремьяну за Дмитрия Васильевича Михалкова (1670 г.), дала ей в приданое «манисто с крестами, цепочка серебряная на ней 7 крестов позолочены»⁵⁶. Иногда к крестам добавляются иконки и бусины-пронизки. В духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича углицкого (1521 г.) числится «манисто со кр(е)сты, и иконы, и прониски»⁵⁷. Похожий способ ношения крестов использовался еще в домонгольское время. Например, в кургане у деревень Митино и Зворыкино в Белозерском уезде Новгородской губернии в составе одного ожерелья находились семнадцать крестиков и десять иконок-привесок, среди которых три – с изображением св. Николы, одна – с Богородицею с младенцем и шесть – со сценой Успения Богородицы⁵⁸. Однако в захоронениях как сельских, так и городских некрополей XI–XV вв. находок крестов еще крайне мало. Исследование Т.Д. Пановой показало, что в могилах XI–XV веков в Московском Кремле кресты практически отсутствуют⁵⁹.

Некоторое увеличение числа металлических крестиков наблюдается в погребениях XVI–XVII вв. В материалах раскопок городских слоёв со второй половины XV в. фиксируется массовое наличие нательных крестиков и образков, что рассматривается исследователями как свидетельство распространения традиции ношения нательных крестиков и иконок⁶⁰.

Монисто с крестом нужно рассматривать прежде всего, как предмет личного благочестия. Во всяком случае, в изобразительных источниках раннего Нового времени мы не видим изображения наперсных крестов поверх одежды в женском костюме. Однако по письменным и этнографическим источникам оно прослеживается. По словам английского путешественника Дж. Флетчера, посетившего Россию в XVI в., «без креста вы не увидите ни

⁵⁵ Рабинович М.Г. Указ. соч. С. 87.

⁵⁶ Из архива Михалковых // Старина и новизна. 1914. Книга 17. С. 31.

⁵⁷ ДДГ. С. 410.

⁵⁸ Седова М.В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 194.

⁵⁹ Панова Т.Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // Советская археология. 1989. № 1. С. 219–233.

⁶⁰ Солдатенкова В.В., Сарачева Т.Г., Персов Н.Е. К истории женского городского ювелирного убора XVI в. // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. М.; СПб., 2011. С. 67.

одной русской женщины, ни замужней, ни девицы»⁶¹. В крестьянской среде традиция ношения крестов в составе ожерелий, на цепочках, гайтанах, среди бус сохранялась в различных областях России в XVIII–XIX вв. Один или несколько крестов носили на металлических цепях, гайтанах из бисера и бус, кожаных шнурах, ожерельях из раковин каури. Например, женщины Орловской, Воронежской, Тульской губерний носили крест на длинном гайтане, и он свисал почти по пояса (рис. 2: 15)⁶².

Наперсный крест мог украшаться вставками из камней, цветного стекла и, безусловно, являлся украшением женского традиционного костюма, одновременно выполняя религиозно-охранительную функцию. Таким образом, ожерелья из бус и привесок различных форм, характерные для домонгольского костюма, постепенно вышли из употребления в эпоху позднего средневековья, а на их место пришли цепочки или шнурки с наперсными крестами.

Крестики иногда встречаются и в поздних кладах. находка около д. Переволока Старорусского уезда, как и тверские клады, включала три пары серебряных серег – одинцы и двойчатки, а также два серебряных крестика: один с килевидным окончанием, второй с эмалевым декором (рис. 1: 7–13). По входившим в клад монетам клад датирован началом XVII в.⁶³

Таким образом, серьги и перстни в сочетании с ожерельями, зарукавьями и монисто являлись неизменными составляющими комплектов женских ювелирных украшений XVI–XVII вв. Украшения различались материалом, декором и стоимостью, но их набор был сходен для представительниц разных социальных групп. Похожий состав демонстрирует крупный денежно-вещевой клад XVII вв. из Московского Кремля, найденный в 1939 г. Он состоит из 34769 серебряных монет, 23 серебряных изделий (и обломков серебра) и трех жемчужин. Среди монет XVII в. (на сумму в 350 рублей серебром) самыми поздними являлись монеты царя Федора Алексеевича. Среди украшений выделяются серьги с подвесками из альмандина, сапфира, жемчужин и цветного стекла. Одна из серег была украшена кораллом. В кладе находились также серебряные перстень без вставки, два круглопроволочных колечка, три пуговицы, три крестика (один позолоченный), обломки серебряных изделий и отдельные жемчужины⁶⁴.

К серьгам, перстням и монисто в комплекты ювелирных украшений иногда входили переперы и запонки – драгоценные застёжки и накладки. Дополнением металлического убора по-прежнему являлись шитые ожерелья и зарукавья. Со второй половины XVI в. в письменных источниках ожерелья встречаются преимущественно жемчужные «низанные» с металлическими пуговицами. В XVII в. жемчужные ожерелья являлись атрибутом женского костюма уже вне зависимости от сословной принадлежности. Например, в

⁶¹ Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. С. 162.

⁶² Русский традиционный костюм. Энциклопедия / сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1998. С. 52–53, фото.

⁶³ Отчет ИАК за 1911 год. СПб., 1914. С. 72.

⁶⁴ Панова Т.Д. Клады Кремля. М., 1996. С. 116–117.

деле об ограблении жены крестьянина Быкокурского стана Устюжского уезда Бажена Хабарова (1628 г.) в числе похищенного значится «ожерельишко жемчужное», которое грабитель «от шеи отторвал»⁶⁵. В дальнейшем жемчужный декор сохранялся в женском уборе крестьянства и городских сословий на протяжении XVIII в. Широко известно его отражение в портретной живописи первой половины XIX в. Прежде всего это костюм населения Северо-Запада, Русского Севера и центра Русского государства. Источники Нового времени фиксируют массовую добычу жемчуга, которая велась в реках Русского Севера, Новгородской, Тверской, Псковской губерний⁶⁶. Известно о профессиональных низальщицах жемчуга в XIX в., изготавливавших жемчужные серьги, ожерелья и головные уборы.

Важными деталями костюма являлись металлические пуговицы – неотъемлемая часть одежды. Их многочисленные описания содержатся в тех же письменных источниках в числе приданого. Находки ювелирных пуговиц встречаются и в позднихкладах: Московском кладе 1939 г., в составе клада из Смоленска 1899 г. вместе с монетами XVI–XVII вв., зёрнами жемчуга и серебряными подвесками серег⁶⁷.

Письменные источники в сопоставлении с археологическими данными отражают динамику состава базовых украшений женского убора на протяжении XIV–XVII вв. Очевидно, что на ранних этапах, в XIV–XV вв., женский ювелирный убор имел сходство с домонгольским (рис. 3: 1, 2). Драгоценные металлические подвески головного убора (колтки и рясы), и металлические браслеты оставались главными атрибутами престижного убора. Еще в XIV в. начинают распространяться серьги новых форм – в виде вопросительного знака и одинцы. Формируется промежуточный вариант убора, в котором серьги новых форм сочетаются в одном уборе с металлическими височными украшениями. Отметим, что и сами серьги могли употребляться в качестве височных подвесок к головному убору. Вероятно, к концу XV в. ушные серьги становятся основным женским ювелирным украшением, складываются их основные формы.

---

⁶⁵ РИБ. Т. 25. Стб. 72.

⁶⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 г. Тверь, 1873. С. 108; *Руссов С.* Словарь жемчужный, или Описание мест и вод, на пространстве России находящихся, в коих ловится жемчуг. СПб., 1829.

⁶⁷ Отчет ИАК за 1899 г. СПб., 1902. С. 116, 163.

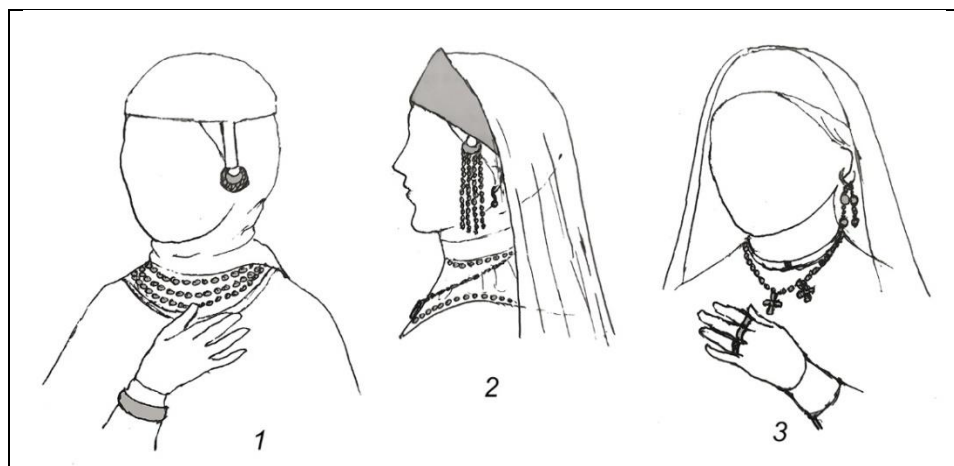

Рис. 3. Реконструкции женского убора XIV–XVII вв.

1, 2 – убор XIV–XV вв. женщины; 3 – убор XVI–XVII вв. (рисунки автора).

В конце XIV – начале XV в. выходят из употребления металлические браслеты, но укрепляется мода на ношение перстней, сразу нескольких экземпляров (рис. 3: 3). К сходным выводам пришел Ю.М. Лесман, рассматривая динамику украшения разных частей женской одежды в Новгородской земле в период средневековья. Исследователь отметил кардинальные изменения, произошедшие в costume к XV в., когда в условиях распространения более строгих аскетических православных требований к женской одежде у женщин осталась возможность украшения лишь лица, причёски, головного убора и, с некоторыми оговорками, шеи⁶⁸. Письменные источники XVII в. свидетельствуют о том, что украшения ювелирного убора различались материалом, декором и стоимостью у представительниц разных социальных групп, но их набор был в целом идентичен. Такой состав базовых женских ювелирных украшений сохранялся и в XVIII–XIX вв. в купеческо-мещанской и крестьянской среде.

Список литературы:

1. Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV веков / ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР А. В. Арциховский (глав. ред.) и др. М.: Изд-во МГУ, 1969. Часть 1: Материальная культура. – 480 с.
2. Вяземский А.В., Левыкина Т.А. Комплекс женских украшений из тверского клада 2011 г. («раскоп Трудолюбия-2») // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 261–272.
3. Жабрева А.Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. М.: Петербургское востоковедение: БАН, 2016. – 479 с.

⁶⁸ Лесман Ю.М. Украшения древних новгородок и средневековая эротика // Чело. 1996. Вып. 1. С. 3–4.

4. Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв.: классификация, стилистика и хронология украшений. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 391 с.
5. Жилина Н.В. Серьги в уборе Московской Руси // Археология Подмоскoвья. 2018. № 14. С. 278–306.
6. Захаров А.В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 12.01.2023).
7. Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. Л.: Б.и., 1924. – 58 с.
8. Кунгурцева С.А. Клад украшений второй половины XVIII – первой половины XIX вв. из раскопок на Загородском посаде г. Твери в 2014 году // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2016. Вып. 9. С. 357–367.
9. Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 540 с.
10. Лесман Ю.М. Украшения древних новгородок и средневековая эротика // Чело. 1996. Вып. 1. С. 3–4.
11. Новиков А.В. К хронологии некрополя у церкви Алексея – Человека Божия на Затьмацком посаде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории с эпоху средневековья. 1997. Вып. 2. С. 262–270.
12. Панова Т.Д. Клады Кремля. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Моск. Кремль», 1996. – 136 с.
13. Панова Т.Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // Советская археология. 1989. № 1. С. 219–233.
14. Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. 2007. Вып. 6, т. II. С. 345–368.
15. Покровская Л.В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и новгородская земля. История и археология / отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2005. С. 120–132.
16. Покровская Л.В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник РГНФ. 2007. № 3(48). С. 36–51.
17. Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 63–111.
18. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Изд-во Заман, 2015. Том II. С. 224–225.
19. Седова М.В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 191–194.
20. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. – 196 с.
21. Солдатенкова В.В., Сарачева Т.Г., Персов Н.Е. К истории женского городского ювелирного убора XVI в. // Женская традиционная культура и

костюм в эпоху средневековья и новое время. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 64–78.

22. Юшко А.А. Фамильные ценности и некоторая недвижимость представителей московского великокняжеского дома // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой. М.: Институт археологии РАН, 2021. С. 249–260.

Об авторе:

СТЕПАНОВА Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: m000142@mail.ru

«A CHEST WITH A JEWELRY, AND IN IT...»: SETS OF WOMEN'S JEWELRY IN THE 14TH – 17TH CENTURIES

Yu.V. Stepanova

Tver State University, Tver, Russia

The article considers the sets of women's jewelry of the 14th – 17th centuries based on the written sources and archaeological materials. The most characteristic items of jewelry are highlighted. For the 14th – 15th centuries these are epy temporal pendants (*koltki* and *ryasy*), as well as bracelets. In this, the dress of the late Middle Ages is similar to the pre-Mongol. It is noted that the sources of this period characterize, first of all, the dress of the upper classes. For the 16th – 17th centuries the earrings and finger rings in large quantities were the essential attribute of the female attire. Throughout the period, the basic jewellery was paired with sewed necklaces. The jewelry sets included a *monista* (chain) with crosses. They were objects of personal piety, but in the costume of wide segments of the population they were both decorations and charms.

Keywords: jewelry, women's dress, colts, cassock, earrings, rings, bracelets, Rus, 14th – 17th centuries.

About the author:

STEPANOVA Yuliya Vladimirovna – the Candidate of the History, the Docent, the Department of Russian History, the Tver' State University, (Russia, 170100, Tver, ul. Trekhsvyatskaya, 16/31, room 207), e-mail: m000142@mail.ru

References:

- Artsikhovskiy A.V., *Odezhda. In: Ocherki russkoj kul'tury XIII-XV vekov*, sost. A. V. Arcihovskij, M., Izd-vo MGU, 1969, Part 1, Material'naya kul'tura. – 480 s.
- П'ин А.А., *Топографија кладов дrevних русских монет X–XI в. и монет удел'ного периода*, Л., В.и., 1924. – 58 s.

- Kungurtseva S.A., *Klad ukrasheniy vtoroy poloviny XVIII – pervoy poloviny XIX vv. iz raskopok na Zagorodskom posade g. Tveri v 2014 godu*, Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epohu srednevekov'ya, 2016. Vyp. 9, S. 357–367.
- Lapshin V.A., *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.)*, SPb., Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. – 540 s.
- Lesman Yu.M., *Ukrasheniya drevnikh novgorodok i srednevekovaya erotica*, Chelo, 1996, Vyp. 1, S. 3–4.
- Novikov A.V., *K khronologii nekropolya u tserkvi Alekseya – Cheloveka Bozhiya na Zat'mackom posade g. Tveri*, Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii s epohu srednevekov'ya, 1997, Vyp. 2, S. 262–270.
- Panova T.D., *Klady Kremlya*, M., Gos. ist.-kul'tur. muzej-zapovednik «Mosk. Kreml'», 1996. – 136 s.
- Panova T.D., *Pogrebal'nye komplekсы na territorii Moskovskogo Kremlya*, Sovetskaya arheologiya, 1989, № 1, S. 219–233.
- Persov N.E., Soldatenkova V.V., *Nekotorye itogi izucheniya odnogo iz srednevekovykh «kvartalov» Zat'mackogo posada g. Tveri (po materialam raskopok 1992–2002 gg.)*, Tverskoy arheologicheskoy sbornik, 2007, Vyp. 6, T. II, S. 345–368.
- Pokrovskaya L.V., *Kompleks yuvelirnykh ukrasheniy usad'by V Troickogo raskopa*, Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya, otv. red. V.L. Yanin, Velikij Novgorod, 2005, S. 120–132.
- Pokrovskaya L.V., *Yuvelirnye ukrasheniya Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda (po materialam Troickogo raskopa)*, Vestnik RGNF, 2007, № 3(48), S. 36–51.
- Rabinovich M.G., *Odezhda russkikh XIII–XVII vv.*, Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy, M., Nauka, 1986, S. 63–111.
- Rudenko K.A., *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara*, Kazan', Izd-vo Zaman, 2015, Tom II, S. 224–225.
- Sedova M.V., *O dvukh tipakh privesok-ikonok Severo-Vostochnoy Rusi*, Kul'tura srednevekovoy Rusi, L., Nauka, 1974, S. 191–194.
- Sedova M.V., *Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)*, M., Nauka, 1981. – 196 s.
- Soldatenkova V.V., Saracheva T.G., Persov N.E., *K istorii zhenskogo gorodskogo yuvelirnogo ubora XVI v.*, Zhenskaya tradicionnaya kul'tura i kostyum v epohu srednevekov'ya i novoe vremya, M., SPb., Al'yans-Arheo, 2011, S. 64–78.
- Vyazemskiy A.V., Levykina T.A., *Kompleks zhenskikh ukrasheniy iz tverskogo klada 2011 g. («raskop Trudolyubiya-2»)*, Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii, 2019, Vyp. 257, S. 261–272.
- Yushko A.A., *Famil'nye tsennosti i nekotoryaya nedvizhimost' predstaviteley moskovskogo velikoknyazheskogo doma*, Srednevekovye iskusstva i remesla. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Tat'yany Ivanovny Makarovoy, M., Institut arheologii RAN, 2021, S. 249–260.

Zakharov A.V., *Informatsionno-poiskovaya polnotekstovaya sistema «Boyarskie spiski XVIII veka»*, [Elektronnyy resurs]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (data obrashcheniya: 12.01.2023).

Zhabreva A.E., *Pis'mennye i izobrazitel'nye istochniki po istorii russkogo kostyuma XI–XVII vekov*, M., Peterburgskoe vostokovedenie, BAN, 2016. – 479 s.

Zhilina N.V., *Drevnerusskie klady IX–XIII vv.: klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniy*, M., LIBROKOM, 2014. – 391 s.

Zhilina N.V., *Ser'gi v ubore Moskovskoj Rusi*, Arheologiya Podmoskov'ya, 2018, № 14, S. 278–306.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023 г.

Подписана в печать 07.04.2023 г.